

ХИЗЕР ТЕРРЕЛЛ

От **Мари Бенедикт** — автора романов «Королевы детектива»,
«Ее скрытый гений», «Тоже Эйнштейн».

ТАЙНА ДЕВЫ МАРИИ

ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ КАРТЫ

Хизер Бенедикт Террелл

Тайна Девы Марии.

Тайна похищенной карты

Серия «The Big Book»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74335021

Тайна Девы Марии ; Тайна похищенной карты: Азбука, Издательство

АЗБУКА; СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34392-4

Аннотация

Хизер Бенедикт Террелл – настоящее имя современной американской писательницы Мари Бенедикт, автора бестселлеров по версии New York Times и USA Today, номинанта премии «Выбор Goodreads» в категории «Историческая проза» 2021 года.

«Тайна Девы Марии» – первый роман Террелл, вышедший в 2007 году. После этого она целиком посвятила себя писательству, и спустя год вышло продолжение – «Тайна похищенной карты».

История живописного шедевра, изображающего Деву Марию, полна тайн. Судьбы людей, связанных с этим полотном, трагичны. Кто подлинный владелец, неизвестно. Когда престижный аукционный дом решает выставить картину на продажу, Мара Койн, юрист крупной фирмы, отвечающей за законность проведения торгов, начинает собственное расследование. Она и не предполагает, насколько это опасно...

Богатый коллекционер и известный политик Ричард Тобиас обращается к Маре Койн с просьбой разыскать древнюю карту, похищенную с археологических раскопок в Китае. Начав поиски, Мара понимает: истинную ценность пропавшей карты трудно даже вообразить. Если она попадет в руки Тобиаса, это может привести к тому, что историю человечества придется переписать...

Содержание

Тайна Девы Марии	13
1	13
2	16
3	33
4	38
5	53
6	65
7	69
8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Хизер Бенедикт Террелл
Тайна Девы Марии.
Тайна похищенной карты
Романы

Heather Terrell

THE CHRYSALIS

Copyright © Heather Terrell, 2007

THE MAP THIEF

Copyright © Heather Terrell, 2008

This edition published by arrangement with Laura Dail
Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

© Е. А. Коротнян (наследник), перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

·the big book·

К Н И Г И
М А Р И Б Е Н Е Д И К Т

ТАЙНА ДЕВЫ МАРИИ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ КАРТЫ

ТОЖЕ ЭЙНШТЕЙН
ГОРНИЧНАЯ КАРНЕГИ
ЕЕ СКРЫТЫЙ ГЕНИЙ
ВЕРНОСТЬ СЕСТЕР МИТФОРД
КОРОЛЕВЫ ДЕТЕКТИВА

Х И З Е Р Т Е Р Р Е Л Л

ТАЙНА
ДЕВЫ МАРИИ

ТАЙНА
ПОХИЩЕННОЙ
КАРТЫ

ТАЙНА ДЕВЫ МАРИИ

Тайна Девы Марии

Посвящается моим мальчикам

1

Берлин, 1943 год

Миланский поезд медленно вползает под своды Берлинского вокзала, выпуская вверх клубы пара под опорные балки. Его гудок пронзает ночь всего лишь раз, и вновь воцаряется тишина, нарушаемая только медленным и ритмичным шуршанием метлы.

Уборщик давно знает, как опасно открыто смотреть на ужасы, которые творятся на вокзале. Он никогда ни с кем не откровенничает и держится в тени. Однако, наклонив голову, все же поглядывает по сторонам из-под козырька фуражки.

Со скрипом и лязгом поезд останавливается. В окне последнего вагона видны сидящие друг против друга мужчина и женщина. Они ждут не шевелясь, обрамленные красными оконными занавесками, как на портрете. Две напряженные фигуры словно бросают вызов давящей безмолвной темноте, и уборщик замедляет свой темп.

Сначала он рассматривает женщину. Вокзальный фонарь

освещает ее гордый профиль, рельефно выступающий на фоне темного купе. Тусклый свет выхватывает складки шелкового рыжеватого платья, горностаевую отделку дорожного жакета и шляпку-колокол. Уборщик качает головой при виде такой роскоши в одежде и подсчитывает, сколько буханок хлеба можно было бы выручить за ее гардеробчик на черном рынке. Затем он переводит взгляд на мужчину, который выглядит более соответственно поездке в военное время, чем женщина. У него приятное округлое лицо, и одет он просто – темно-серый костюм, черное пальто, мягкая фетровая шляпа. В правой руке он сжимает потертый коричневый конверт, причем сжимает крепко, до побелевших костяшек. За пальто, расстегнутым на груди, видна желтая звезда с острыми краями. Уборщик надеется в душе, что оба пассажира понимают, насколько опасное путешествие затеяли.

Внезапно дверь в купе резко открывается, мужчина и женщина вскакивают на ноги. Уборщик отступает в безопасную тень.

Пассажиров окружают светловолосые юные солдатики. На черной форме поблескивают золотом надраенные пуговицы, хвастливо выделяется красная свастика. Уборщик знает, что это не обычная вокзальная милиция. Он невольно вздрагивает, когда протянутые руки в перчатках забирают у мужчины билеты.

Затем мальчишки-солдаты пропускают вперед увешанного знаками отличия офицера. Тот наклоняется к пассажи-

рам поближе, что-то им говоря. Потом передает им какой-то документ, вечное перо и требует, чтобы мужчина поставил свою подпись. Офицер хочет, чтобы пассажир чему-то подчинился. Мужчина, потупившись, отрицательно качает головой. Вместо того чтобы расписаться под документом, он дрожащей рукой передает офицеру свой драгоценный конверт.

Офицер подносит конверт к свету, резко вскрывает его и внимательно читает письмо. Потом засовывает письмо обратно в конверт и возвращает владельцу. Солдаты вместе с офицером разворачиваются и уходят, громко закрыв за собой дверь.

Вновь звучит паровозный гудок, пара возвращается на свои места. Мужчина начинает робко улыбаться, но уборщик в сердцах отворачивается. Он знает, как действуют мальчишки-солдаты. Он знает, что, когда поезд отойдет от перрона, последний вагон останется.

Нью-Йорк, наши дни

Мара побарабанила пальцами по стойке бара и в очередной раз взглянула на часы. Новый клиент опаздывал почти на целый час, и она занервничала еще сильнее.

Чтобы как-то успокоиться, она сделала глоток тоника с лаймом, вновь пожалев, что не заказала бокал шардоне, и огляделась вокруг. Ресторан «У Магги», по слухам, был когда-то незаконным питейным заведением, связанным с сетью подпольных каналов, переправлявших спиртное во время сухого закона. Хотя теперь алкоголь тек широкой рекой, внутреннее убранство эры джаза в сигаретном дыму несколько не изменилось. Украшенный чеканкой потолок и натертый до блеска паркет отражали трескучее пламя. Парочки уютно устраивались на шоколадного цвета кожаных банкетках перед постоянно зажженными свечами. Заглушая привычный для таких мест гул, звучали мелодии в исполнении Эллы и Луи. Здесь не играли музыку позднее пятидесятих годов. Здесь веяло простотой и надежностью прошлого, которое таким и было. Мара в этом не сомневалась.

Оглядываясь на вход, Мара поймала свое отражение в зеркале, висевшем над оживленным баром. Она разгладила юбку подогнанного по фигуре костюма, взглянула на туфли на высоких каблуках и в который раз почувствовала себя не в

своей тарелке, словно на обычную утку нацепили костюм лебедя из блестящих перьев. Ей захотелось побродить в любимых растянутых джинсах и водолазке среди стеллажей ближайшего книжного магазина, а не сидеть тут и ждать Майкла Рорка – юрисконсульта досточтимого аукционного дома «Бизли», с недавних пор пополнившего ряды самых грозных клиентов ее юридической фирмы.

Когда она в очередной раз бросила взгляд на дверь, то успела увидеть, как к обочине подъехало такси, из которого показалась высокая широкоплечая фигура. Лицо оставалось скрытым в тени. Мужчина наклонился к окошку со стороны пассажира и отдал водителю деньги. Уличный фонарь высветил улыбку на его лице и смешливые морщинки вокруг глаз. Перекинувшись с водителем шуткой, пассажир дважды хлопнул по кузову в дружеском прощании. Он был совсем не похож на пузатых и слегка лысеющих юрисконсультов, с которыми Маре приходилось работать, но она почему-то сразу поняла, что это и есть ее клиент.

Он зашел в бар, но его лицо по-прежнему оставалось в тени. Мара увидела только твидовый блейзер и отглаженные черные брюки с острой стрелкой.

Когда наконец клиент оказался на свету, она смогла разглядеть смягчающую ямочку на квадратном подбородке, светло-каштановые волосы, коротко остриженные, но с длинной челкой, серовато-зеленые глаза, как у кошки, и жилистые руки. Она никак не ожидала, что он окажется таким

красавцем, да еще очень знакомым к тому же.

Шум в баре стих, суета улеглась. Мара попыталась справиться с волнением, но ее щеки залил яркий румянец, и она смущенно потупилась.

Приближаясь к ней, он замедлил шаг.

– А я вас знаю, – сказал он, когда она подняла глаза. – Джорджтаун.

– Византийское искусство, – ответила она.

Майкл Рорк когда-то сидел рядом с ней на лекциях по истории византийского искусства. Сначала он оказался рядом случайно, но потом выбирал это место намеренно. По дороге в студенческую библиотеку они обычно затевали долгие разговоры об иконографии¹ и падении Константинополя. Мара не забыла его врожденную галантность. Он всегда шел с ней по улице со стороны проезжей части, никогда не опускался на стул в ее присутствии, если она стояла. Но тогда в ее жизни был Сэм, поэтому, когда лекции закончились, время, что они проводили вместе, тоже закончилось. А теперь он оказался здесь, в качестве ее нового клиента из «Бизли».

Пока он извинялся за опоздание, администратор зала отвела их в укромный уголок, более подходящий для свидания, чем для делового обеда. Поначалу Маре понравился такой поворот событий, возможно, потому что эта встреча застави-

¹ *Иконография* – совокупность правил, которых должен придерживаться художник при изображении определенных (обычно религиозных или мифологических) лиц и сюжетов. – *Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных.*

ла всколыхнуться в ее душе прежнюю симпатию к Майклу, а еще потому, что сейчас он ей казался таким же приятным, как и раньше. Но потом Мара отругала себя за неподходящие мысли, столь неуместные в отношениях между юристом и клиентом, очень важным клиентом, которого ей нужно было заполучить во что бы то ни стало, с дальним прицелом добиться в конце года статуса партнера.

И все же Маре было интересно: какой она показалась ему теперь? Увидел ли он то, о чем ей говорили другие: высокую, стройную даму с изящными чертами, аккуратной темно-рыжей прической и профессиональным самообладанием? Или он по-прежнему видит в ней ту зеленую девчушку, какой она была, прежде чем превратиться в хладнокровного городско-го юриста, – долговязую студентку, книжного червя, с квадратной челюстью и веснушками, мечтавшую о научной карьере?

Они начали с бутылки белого вина, хотя Мара практически себе этого не позволяла с клиентами. Разговор поначалу не клеился, оба не знали, как справиться с удивлением от неожиданной встречи. Все ее домашние заготовки, в основе которых лежало целое исследование, проведенное ею в начале дня с целью произвести впечатление на нового клиента, внезапно показались ей глупыми и фальшивыми, явно школярскими и чересчур напористыми, так что щегольнуть не удалось. Лишившись монолога, она не сумела продолжить разговор в обычной для нее уверенной манере и почувство-

вала себя как актриса на сцене, забывшая текст.

После неловкого молчания Майкл взял инициативу в свои руки и начал мягко расспрашивать Мару о ее жизни после колледжа. Он поинтересовался, почему она решила обосноваться в Нью-Йорке, тогда как все ее известное в политических кругах семейство жило в Бостоне, как ей удалось в одиночку преодолеть «минное поле» больших нью-йоркских юридических фирм, и, наконец, задал вопрос о Сэме, вопрос, к которому, как решила Мара, Майкл подбирался с самого начала. Вино и его приятная манера слегка подначивать ее развязали ей язык, так что она ответила на большинство личных вопросов без колебаний, позабыв на какое-то время о своей скрытности. Но стоило ему коснуться в разговоре Сэма, который был ее бойфрендом почти шесть лет, а потом порвал с ней, как Мара тут же в целях обороны выпустила все колючки и перевела разговор на Майкла. После разрыва с Сэмом в ее жизни не было ни одного серьезного романа, и рана, несмотря на давность той истории, до сих пор не затянулась.

– Что насчет твоего возвращения в Нью-Йорк после получения диплома юриста? – спросила она. – Твоя семья, должно быть, была счастлива.

Она припомнила, что он выходец из... Куинса, кажется.

– Конечно, поначалу они были рады. Но мое возвращение в Нью-Йорк также означало начало стажировки в фирме «Эллис и Бродхерст». Шесть лет я там трудился как раб, рас-

терял всех друзей, да и родственники за это время научились на меня не рассчитывать. Все они обычные люди и привыкли к нормальной рабочей неделе. Им было не понять, почему я засиживаюсь допоздна чуть ли не каждый день и не могу заранее спланировать ни одного выходного. – Майкл помолчал, а затем снова перевел разговор на нее. – Полагаю, ты и сама это знаешь, работая в «Северин». Я прав?

Мара кивнула. Если не считать упоминаний о Сэме, разговор ей нравился. Девушке редко выпадала возможность поговорить с тем, кто понимает, как радостно для молодого специалиста работать в большой юридической фирме и чем для этого приходится жертвовать. Но она не забывала и о причине их свидания – выгодном деле «„Баум“ против „Бизли“», которое ее босс, глава отдела судебных тяжб в «Северин, Оливер и Минз» Харлан Брукнер великодушно пожаловал ей в качестве последней проверки, достойна ли она стать партнером фирмы.

Не успела Мара повернуть разговор в нужное русло, как Майкл продолжил:

– Это отчасти объясняет, почему я ушел из «Эллис». Я выглянул из-под кипы бумаг, под которыми был погребен в течение нескольких лет, и мне совсем не понравилось то, что я увидел, ради чего лишился и друзей, и семьи. Мне не понравились люди, которым предстояло стать моими партнерами: этих мужчин и женщин гоняли как малышей в песочнице, и они только и ждали, когда смогут выместить свое недоволь-

ство на новичках-первогодках. Мне не хотелось продолжать игру с этой злобной братией.

Мара улыбнулась. Те же самые слова относились и к ее боссу, который, по ее давнишнему подозрению, был изгоем в юности, но смог подняться по карьерной лестнице, пожертвовав всеми человеческими взаимоотношениями, и теперь требовал той же самой жертвы от всех своих сотрудников. И как правило, получал ее.

Тут Майкл вновь прервал ее мысли.

– Ты помнишь, как часто мы обсуждали, что с нами будет дальше?

– Да, – ответила она.

В первую секунду, когда она его узнала, на нее нахлынули воспоминания о тех разговорах. Двое студентов наивно болтали о том, как станут археологами или искусствоведами и раскроют какую-то древнюю тайну или обнаружат находку, которая поможет им заглянуть в прошлое. Мара и Майкл разделяли общую страсть к открытиям, и такое родство душ она не знала ни с кем с тех пор, как умерла ее бабушка, папина мама, которая передала ей собственную любовь к ирландским легендам и древним верованиям. В детстве Мара провела много вечеров перед окном в маленькой гостиной в доме пастора, где жила и работала бабушка. Это было теплое уютное убежище, не то что холодный дом Мары. Вместе они читали сказки, Агату Кристи, классическую мифологию, ирландские басни, жития святых, легенды об Ар-

туре, «Хроники Нарнии», всякий раз с нетерпением ожидая «момента озарения», как они его называли. Когда бабушка умерла, Мара была старшеклассницей. Она продолжила поиски «момента озарения», изучая в колледже средневековую историю, оригиналы и символику. Когда прогулки с Майклом прекратились, Мара не перестала фантазировать. Учась на последнем курсе в Джорджтауне, она подала заявление в Колумбийский университет, собираясь продолжить изучение Средневековья, но отец запретил: слишком непрактично, слишком легкомысленно, слишком очевидно, что не приведет к материальному благополучию и никак не вписывается в звездную траекторию, которую он начертал для своего единственного ребенка. Мара не стала возражать отцу и теперь, десять лет спустя, стала такой, какой была, почти поверив, что отцовские мечты были ее собственными.

– Я все эти годы вспоминал наши разговоры. И до сих пор вспоминаю, – продолжил Майкл, – они помогли мне понять, что устремления фирмы идут вразрез с моими. Я начал вспоминать, кем хотел быть и что хотел из себя представлять до того, как Фемида взяла меня в свои тиски.

Его откровения слово в слово совпадали с невыраженными вслух сомнениями Мары, тайными мыслями, которые она не раскрывала даже Софии. Мара не позволяла себе тратить время на долгое обдумывание, прежде чем сделать следующий шаг. А как иначе стать партнером фирмы? И все же она прошептала почти машинально:

– Я прекрасно тебя понимаю. – Стоило ей произнести эти слова, как она тут же пожалела, что не может загнать их обратно в ту бездонную пропасть, где они обычно обитали. Такое признание вполне уместно в устах друга, но услышать его от юриста, нанятого, чтобы отстаивать дело в суде? Совершенно неподходящие сантименты. Мара попыталась вернуть упущенный, как ей показалось, плацдарм и залепетала: – Я имела в виду другое. Я хотела сказать...

Майкл со смехом прервал ее.

– Все в порядке, Мара. Я знаю, что ты имела в виду. И по-прежнему считаю тебя кровожадным нью-йоркским адвокатом, готовым порвать всех в клочья в суде, отстаивая для нас дело «Баум».

Мара облегченно вздохнула и подумала, что они смогут продолжить обсуждение дела, но он, видимо, еще не исчерпал свои признания:

– Пожалуй, больше всего на службе в «Эллис» меня не устраивало то, кем стал лично я. – Он умолк, чтобы пригубить вино. – За шесть лет в конторе я успел позабыть, что есть и другие важные дела: я не приобрел новых друзей, не завел себе хобби, не завязал ни с кем простых человеческих отношений. Поэтому я решил уйти, по крайней мере, из фирмы, если не из профессии. Я подумал, что работа в компании, связанной с историей и искусством, поможет возродить мой интерес к тому делу, что я изначально выбрал, и, быть может, освободит мне немного времени и для друго-

го. Например, для девушки. – Он замолчал, задумавшись, а затем как ни в чем не бывало спросил: – У вас с Сэмом произошло что-нибудь в этом роде?

Мара все больше и больше нервничала по поводу того, какой оборот принимает их разговор. Ей почему-то казалось, что они давным-давно миновали стадию вежливого общения посторонних людей и перешли на новую ступень знакомства. И она не понимала, что служило тому причиной – то ли их студенческая дружба, то ли его природная способность располагать к себе людей, то ли вино. Внешне открытая к общению, уверенная в себе, но на самом деле скрытная Мара была не готова к подобной откровенности, во всяком случае, она ее не планировала, готовясь к встрече с новым клиентом.

Несмотря на сомнения, она чувствовала себя обязанной ответить, поэтому подкрепила силы глотком вина и отреагировала на настойчивые расспросы:

– Мы с Сэмом были вместе, пока я училась в колледже, и даже потом, первые два года, когда я переехала в Нью-Йорк. Почти каждый уик-энд я брала с собой кипу папок с делами и отправлялась поездом к нему на свидание. Потом госдепартамент предложил ему работу в Китае, и он согласился. Его истинной страстью всегда была политика.

– Понятно, – произнес Майкл с сочувственной ноткой.

Мара внезапно потупилась с несвойственным ей смущением и увидела выглядывавший у нее из сумки желтый конверт с документами по делу «Баум». Сосчитав до десяти, она

вновь подняла на Майкла глаза. Превратившись в прежнего профессионала, она переключилась на дело «„Баум“ против „Бизли“». Разговор по этой новой теме протекал не так гладко, как их личная беседа, — похоже, Майкл был недоволен, что она вернулась к причине, которая и привела их с самого начала в ресторан «У Магги». Он устроился поглубже на диванчике и заговорил отрывистым тоном. Он даже отодвинул от себя бокал с вином и швырнул на стол матерчатую салфетку. Мара проигнорировала его разочарование и слушала внимательно.

Майкл рассказал, что один их давний клиент, не пожелавший раскрыть своего имени, решил воспользоваться услугами «Бизли» и продать картину «Куколка» Йоханнеса Мирвелда, выставив ее на престижный аукцион голландского искусства, который по времени совпадал с открытием давно ожидаемой голландской выставки в музее Метрополитен. Как только «Бизли» выпустил аукционный каталог с фотографией «Куколки», на него обрушился шквал писем и звонков от якобы истинной владелицы картины, Хильды Баум, заявившей, что она разыскивает эту картину уже несколько десятилетий. Баум утверждала, что нацисты отобрали «Куколку» и убили ее родителей. Если говорить подробнее, то они объявили ее родителей, католиков по вероисповеданию, евреями и переправили в концентрационный лагерь, после чего украли семейную коллекцию художественных произведений. Аукционный дом «Бизли» разъяснил свою политику

выяснения происхождения любой картины и довел до сведения Хильды Баум всю прозрачную родословную «Куколки», но дама не унималась. Она хотела получить «Куколку» обратно. Вскоре последовало обращение в суд, и «Бизли» был вынужден снять с аукциона картину в ожидании судебного решения. Задача Мары заключалась в том, чтобы не отдать «Куколку» истице.

Майкл подозвал официанта и расплатился, несмотря на протесты Мары.

– Можно проводить тебя до такси? – спросил он.

Он явно был готов расстаться, и Мара опасалась, что чем-то расстроила его, но понимала, что сейчас не время потакать своим чувствам. Им обоим предстояла большая работа, чтобы выиграть судебный процесс.

Когда они пересекали улицу с расчетом поймать машину, идущую в центр города, к их ногам подкатило свободное такси и со скрипом остановилось. Майкл подал ей руку. Все получилось очень естественно. Мара ощутила тепло его ладони. В Джорджтауне она часто спрашивала себя, каково это – держать его за руку. Когда он убрал руку, Мара усилием воли вернулась в настоящее.

Захлопнув за ней дверцу машины, он наклонился к окошку с опущенным стеклом и поинтересовался:

– Ты свободна в следующий четверг?

– Кажется, да, – неуверенно ответила Мара.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты пришла на аукцион.

Ей показалось, будто в его взгляде промелькнула игривая искорка. Мара тут же приписала это игре света, хотя, возможно, это было отражение ее собственных чувств. В конце концов, он не дал ей никакого повода думать, будто разделяет ее симпатии. Правда, именно он затеял легкое подшучивание друг над другом, но это можно было объяснить и его природной приветливостью.

– Мы даже назовем встречу деловой. Всегда полезно кое с кем познакомиться заранее. Придешь? – Он умолк, ожидая ответа.

– Да, конечно, – сказала она, зная, что завтра сотрет любую карандашную запись на четверг в своем календаре.

На следующее утро Мара услышала знакомые шаги Софии, прежде чем раздался стук в дверь ее кабинета. Мара закрыла глаза. Она пока была не готова разбирать по косточкам вчерашнюю встречу с Майклом, тем более с Софией, единственным человеком, способным проникнуть сквозь любой барьер Мары на пути к ее полному разоблачению. С другой стороны, Мара понимала, что если затаится, то это лишь сильнее разожжет любопытство подруги. Поэтому, сняв очки и заложив за ухо непослушную прядку, Мара пересекла небольшой кабинет и впустила Софию, прежде чем та успела постучать во второй раз.

Подруга вошла, закрыла за собой дверь, прислонилась к книжной полке в крошечном, но опрятном кабинете Мары

и вопросительно вздернула бровь. Внешне София воплощала собой хладнокровие, но Мара знала, что внутри она находится в постоянном движении, как колибри. Мнимое спокойствие было всего лишь легким трюком из ее богатого арсенала всевозможных уловок.

Когда Мара уселась на место, никак не отреагировав на вопросительный взгляд, София не выдержала и плюхнулась на стул напротив Мары.

– Выкладывай! Даже не верится, что ты способна так играть у меня на нервах. Как прошла встреча с новым важным клиентом? – затараторила София с мягким южным выговором, который действовал на собеседника обезоруживающе, на самом деле за этим акцентом скрывался острый как бритва интеллект.

Мара выдержала длинную паузу, прежде чем ответить:

– Встреча прошла хорошо.

– Что за неуверенность в голосе? Работать на Харлана, конечно, не сахар, но ты должна быть в восторге, что он предоставил тебе такую возможность.

София была в курсе, сколько мучений в прошлом доставил босс Маре своими манипуляциями и человеческой непорядочностью, тем не менее она лучше, чем кто-либо другой, понимала: Мара должна вынести все эти махинации, если по-настоящему хочет добиться успеха. Главное то, что продвижение Мары по службе зависело от его одобрения. Софии повезло немного больше: старший партнер ее отдела не

был таким властолюбивым тираном, как Харлан. Она понимала, что Мара особенно восприимчива к маневрам Харлана из-за того, что переменчивые стандарты и вздорный характер босса напоминали Маре политика-отца. Между двумя подругами не было секретом, что Мара выбрала профессию, а потом и эту известную фирму, повинувшись не только своим, но и отцовским желаниям. Но Мара клялась, что стремление стать партнером в этом учреждении мирового класса было ее собственной целью и отец тут ни при чем, а что касается трюков Харлана, то они досаждали ей потому, что приходилось их терпеть слишком часто.

– Я в восторге, – заверила ее Мара, прекрасно зная, что София сама хотела бы оказаться на ее месте и заполучить такого важного клиента.

София тоже надеялась в тот год стать партнером, и подобный проект для нее был бы не лишним. Мара считала, что София с ее неумным аппетитом к сверхурочным и рабским соблюдениям правил игры заслуживала партнерства в большей степени, чем она.

Тут мысли Мары переключились на Майкла, и она почувствовала, как щеки у нее загорелись румянцем. София недоуменно посмотрела на подругу.

– Мара, если бы я не знала тебя лучше, я бы сказала, что ты покраснела. Что происходит?

– Оказалось, что мы с этим клиентом знакомы со студенческих времен.

– Ой, Мара, неужели ты бегала к нему на свидания?

Мара покачала головой:

– Ничего подобного. Мы просто дружили, посещали одни и те же лекции.

– Тогда почему у тебя щеки горят, как маков цвет? Не забывай, что произошло с Лизой.

Ставший всеобщим достоянием неудачный роман Лизы Миневер со всесильным клиентом привел к потере нескольких миллионов для фирмы «Северин» и до сих пор длящегося судебному разбирательству дела о должностном преступлении, в котором Лиза, ее сотрудница и знакомая, выступала в качестве ответчика. Прошлой ночью Мара не раз вспоминала о ней. Она поняла, почему София сочла необходимым пригрозить ей Лизиной отставкой. София грезил будущим, в котором они обе станут гранд-дамами фирмы «Северин», и ей нужна была Мара, которая разделила бы ее амбиции, ей нужны были силы, которые она черпала бы из их совместных устремлений продвинуться вперед, поэтому она опасалась, как бы Мара не сделала ложный шаг на своем пути. Сама София поднялась из нищеты маленького городка в Каролине, и при теперешнем ее существовании Мара служила ей спасательным тросом.

Мара открыла было рот... Ей очень хотелось рассказать о тех чувствах, что всколыхнул в ней Майкл, посмеяться вместе с Софией и совместно продумать дальнейшую стратегию. Но в своем безжалостном стремлении к успеху ее соратница

давным-давно исключила из своей жизни все сильные желания и сейчас ничего бы не поняла. Поэтому Мара прикусила язык и спрятала подальше свои секреты. Позже она сама подумает об этом, все равно нужно будет подавить все чувства к Майклу.

– Просто мне было довольно странно увидеть его спустя столько лет, особенно в качестве клиента.

София смирила Мару долгим недоверчивым взглядом, но настаивать не стала. Ей хотелось безоговорочно верить Маре, другой альтернативы у нее не было. Поэтому соратница поправила туго заплетенную светлую косу и сказала:

– Надеюсь, что так. Не хотелось бы испортить дело.

Лейден, 1644 год

Мыльный пузырь поднимается к ватному небу. Мальчик смеется, глядя, как облака ловят его своими прозрачными лапами и начинают перекидывать туда-сюда, затеяв веселую игру. Он погружает в лохань гребешок со сквозным отверстием и выдувает еще один пузырь. К занятию подключается солнышко, оно подхватывает лучами радужный шарик и делает его то красным, то ультрамариновым, то зеленовато-голубоватым. Мальчик знает все цвета палитры.

Пузырек лопается.

Только сейчас мальчик осознает, что совершенно один на берегу канала. Он вытягивает шею, желая убедиться, что Юдит не следит за ним. Потом тихими шажками пробирается по мощеной тропе к мостку через канал.

Он не может не видеть, как сходится перспектива на дуге моста. Наставники обучают его математическому способу создания трехмерного пространства на плоском листе, но они могут этого и не делать. Он все знает и без подсказок, чему они не перестают удивляться. Булыжники, ступени у воды, даже лодки в канале – все они образуют ортогонали, диагональные линии которых встречаются в одной точке на горизонте, чуть ниже арки моста, – точке схода.

Линии влекут его, соблазняют. Он мысленно переносится

по ним над каналом, приближаясь к точке схода, и протягивает ручку, чтобы схватить ее. Но чем ближе он к заветной точке, тем дальше она отодвигается.

Он слышит, как его окликают по имени. Это Юдит.

– Йоханнес, что подумают люди о твоём отце, когда увидят, как ты разгуливаешь по городу один? – выговаривает она ему.

Женщина подходит к мальчику, протягивает пухлую руку, ее пышные формы как будто вот-вот вырвутся из-под тугой кожаной шнуровки. Она сминает собой все ортогонали, нарушая порядок.

Солнечный луч заглядывает глубоко под ее вуаль и высвечивает румяные щеки, обычно скрытые от взглядов. Они такие же рыхлые, как тот хлеб, что она замешивает каждое утро на рассвете. Такие же аппетитные, как ее миндальный торт на масле.

Маленькая ручка крепко зажата в пухлой ладони. Они направляются к выбеленной арке дома, где он живет. Сквозь стеклянные окошки черного хода струится кобальтовый свет. Он окрашивает зеленым резвых цыплят на кухонном дворе и расплывается синими пятнами по сохнувшим простыням. Юдит тащит мальчика мимо блестящих медных чанов и глазированных керамических кувшинов в парадную гостиную.

Она зовет мать Йоханнеса, нужно назначить наказание за то, что он ушел гулять один, – иначе что скажут соседи?

Тихое треньканье клавесина замолкает. Осторожно заглядывая в дверь, он видит пейзаж, нарисованный на внутренней стороне открытой крышки инструмента, и ловит взгляд мамы в выпуклом зеркале, висящем напротив клавесина. Прежде чем напустить на себя строгий вид, как того ожидает Юдит, мама улыбается ему, своему Йоханнесу, своему общнику.

Они ждут, пока Юдит не уйдет на рынок. Оглядев улицу в обе стороны, не покажутся ли соседи, опасные все до одного, они выскальзывают через черный ход. У мамы наготове отговорка, почему они не пользуются парадной дверью. Но, слава богу, дорога пуста.

Он знает здесь каждый камешек на ощупь, ведь они ходят этим путем с наступлением темноты каждый праздник, даже без свечи. Проверя себя, он закрывает глаза и ведет ладонью по каждой шершавой кирпичной стене, пока они идут по узким улочкам. Его пальцы запоминают неровности каких-то углов, шершавость отдельных камней. Он размышляет, как передать текстуру известковой кладки с помощью своих красок, делая белые мазки по красновато-коричневому кистями различной плотности и ширины.

Мальчик открывает глаза. Освещенные окошки крошечного домика приветливо мигают ему. Только посвященные знают правду: под этим домиком находится подземное строение, где скрывается запрещенный католический молитвенный дом. Здесь, вдали от отца-кальвиниста, вдали от осужда-

ющих взглядов горожан, которые на словах говорят о религиозной терпимости, а на деле ведут себя как солдаты в битве против остатков испанской католической тирании, мать тайно молится.

Толкнув грубо обструганную деревянную дверь, они спускаются по крутой лестнице. Несмотря на понедельник, в зале полно знакомых лиц, все им кивают. Подобно большинству католиков, мать посещает по воскресеньям кальвинистскую службу, как велит ей супружеский долг, а по понедельникам кается.

Они ждут начала мессы в тишине. Если не считать изображений Христа и святых, что украшают стены и алтарь, выбеленный сводчатый интерьер с рядами деревянных скамей напоминает Йоханнесу кальвинистскую церковь, куда они ходят вместе с отцом. Мама говорит, что картины помогают настроиться на молитву, приближают их к Богу. Однако в воскресной школе его учат, что католичество – не что иное, как ересь и идолопоклонничество, что на духовную медитацию следует настраиваться одним только Священным Писанием. Йоханнес жалеет своих учителей-кальвинистов, ведь они не способны почувствовать священную силу искусства.

Начинается процессия к алтарю, ее возглавляет священник в великолепной мантии, расшитой серебряными и золотыми нитями, у подножия алтаря поют гимны. Священник приветствует паству: «*Dominus vobiscum*»². Йоханнес отве-

² Господь с вами (*лат.*).

чает священнику: «Et cum spiritu tuo»³, по собственной воле, ибо мать не требует от него участия.

Во время мессы священник кладет левую ладонь себе на грудь, поднимает кадило и качает перед алтарем. Кадило раскачивается как маятник, от его золоченой поверхности отражается пламя свечей, на миг освещая темные уголки и скрытые тенью лики. По воздуху разносится запах ладана. Йоханнес вдыхает крепкий сладкий аромат, такой же экзотичный, как лимонная краска или, возможно, индийская желтая в его палитре. Он смотрит, как струйки дыма поднимаются вверх, символизируя их молитвы.

³ И с духом твоим (*лат.*).

Нью-Йорк, наши дни

В следующий четверг, около шестнадцати часов, Мара остановилась перед входом в аукционный дом «Бизли». Ей и раньше доводилось проходить мимо этого особняка, и каждый раз она восхищалась его причудливым дизайном, воплотившим желания бывшего владельца, угольного барона девятнадцатого века. Сейчас, стоя на ступенях лестницы и готовясь войти через массивные парадные двери, она по-новому оценила величественность и масштаб здания.

Внутри ей пришлось лавировать по богато убранному вестибюлю среди толпы ассистенток, ответственных за проведение аукциона и банкета. Почти все они носили одинаковые прически (прямые блестящие волосы), нитки жемчуга, туфли из последней коллекции Маноло и телефонную гарнитуру. У всех девушек был занятой вид, и они абсолютно ее не замечали. Собираясь сюда, Мара выбрала черный облегающий костюм от Кальвина Кляйна, но по сравнению с собравшейся публикой сама себе казалась одетой безвкусно.

Стулья, обитые голубой парчой, были расставлены по залу отдельно друг от друга. Отметившись у грозного вида администратора, Мара опустилась на один из стульев и увидела собрание аукционных каталогов, мастерски разложенных веером на мраморном кофейном столике. Опасаясь раз-

рушить гармонию, она осторожно вытянула каталог, посвященный голландской коллекции.

В глянцевом буклете были собраны репродукции картин, изображавших просторные, наполненные светом церкви, строгий домашний быт, искусно выписанные до мельчайших подробностей натюрморты и жанровые сельские сцены – все те сюжеты, что прославили голландских художников и подняли спрос на их живопись. Мара узнавала некоторые картины мастеров. Накануне вечером она внимательно пролистала свои старые учебники по искусствоведению, оставшиеся со времен студенчества, пытаясь восстановить в памяти золотой век голландской живописи, чтобы хоть как-то поддержать беседу с Майклом, когда речь пойдет о выставленных на аукцион работах. Этот ускоренный курс напомнил ей, почему когда-то она была так увлечена голландскими художниками семнадцатого века: их неподражаемые, беспрецедентно реалистичные полотна изобиловали загадками и символами, что наверняка понравилось бы ее бабушке. Мара тщательно прочесывала учебники, стараясь определить, какое место в пантеоне художников занимал создатель «Куколки» Йоханнес Миревелд, получивший вначале известность как одаренный портретист, но его подход к искусству был новаторским для своего времени.

Пока девушка просматривала каталог, до нее долетели обрывки приглушенного разговора. Двое беседовали заговорщицким тоном, и это возбудило в ней интерес. Она постаралась

лась незаметно разглядеть говоривших. Мара наклонилась к столику, чтобы положить каталог на место, и взглянула на двух мужчин, сидевших неподалеку на диванчике спиной к ней.

– Поговаривают, будто «Мастерсон» обвиняют в том, что там выставили на аукцион работу Хебборна, – услышала она, как один прошептал другому.

Хотя имя художника Мара слышала впервые, зато за последние несколько дней успела узнать аукционный дом «Мастерсон». Эта фирма была основным и беспощадным конкурентом «Бизли».

– Позволь, угадаю: Хебборн, который похож на Коро? – пробормотал второй.

– Кто знает? Это может быть и Хебборн, который напоминает Мантенью⁴ или Тьеполо.

Внезапно Мара поняла, что речь идет о создателе поддельных картин великих мастеров.

– Одно я знаю точно – меня бы огорчило, если бы кто-нибудь слишком внимательно присмотрелся к Кастильоне⁵, которого мы продали не так давно.

До Мары донесся сдавленный смешок. Увлечшись чужим разговором, она вздрогнула от неожиданности, когда Майкл

⁴ *Мантенья Андреа* (1431–1506) – итальянский художник, представитель падуанской школы живописи.

⁵ *Кастильоне Джузеппе* (1688–1766) – миссионер, художник, жил и работал в Китае.

тронул ее за плечо. Девушка подняла глаза и увидела, как волосы упали ему на лоб, когда он наклонился, приветствуя ее, а в уголках его глаз появились морщинки от улыбки. Мара осталась недовольна собой. Накануне вечером она сама себя строго отчитала. Признав, что симпатизирует Майклу, Мара еще раз напомнила себе о необходимости придерживаться четкой линии поведения и выстраивать только профессиональные взаимоотношения. Нельзя допустить, чтобы ее физическое тяготение к нему нарушило этот баланс.

Майкл проводил ее в свой кабинет, залитый неярким солнцем. Огромный антикварный письменный стол из полированного дерева с латунной отделкой покоился на богато раскрашенном обюссонском ковре, из окна открывалась панорама на Центральный парк. На обитых светлой замшей стенах висели картины. Стену, у которой стоял письменный стол, украшали черно-белые этюды, изображавшие человека в длинных одеждах. Сюжет показался Маре знакомым, и, когда она поинтересовалась у Майкла, он ответил, что это эскизы к портрету святого Петра, выполненные художником времен Ренессанса, чье имя было ей неизвестно.

Скрестив руки на груди, Майкл прислонился к входной двери, явно ожидая реакции своей гостьи. Мара давно отказалась от романтических иллюзий, рисовавших в ее воображении отделанный красным деревом кабинет юриста, где по стенам выстроились ровными рядами книжные шкафы. Она с трудом представляла себе, как можно работать среди та-

кого великолепия. Неспешно обходя кабинет, она дотрагивалась до полок, столешниц и сыпала комплименты один за другим.

Майкл улыбался, излучая обворожительную скромность. – Благодарю, иногда мне самому становится неловко, особенно если учесть, что я шесть лет проработал за разбитым металлическим столом у «Эллис». В отличие от моих бывших респектабельных партнеров, не считавших зазорным, что их сотрудники работают в убогости, мои теперешние патроны желают видеть нас в окружении уникальных предметов... пусть даже и взятых напрокат.

Майкл заговорил о предстоящих в этот день мероприятиях, а Мара отметила с облегчением и в то же время с легким разочарованием его тон – дружелюбный, деловой, но и только. Майкл сообщил, что под конец их ждет встреча с главой отдела провенанса Лилиан Джойс, дамой, как он выразился, «ершистой». Она служила главным экспертом «Бизли» – ее обязанностью было гарантировать безупречную родословную любого произведения искусства, поступающего в аукционный дом, и теперь ей предстояло убедить Мару в чистоте правового статуса «Куколки».

Мара рассеянно слушала Майкла, оглядывая кабинет в поисках хоть какой-то зацепки, способной помочь ей понять этого человека. Детективная жилка не давала покоя: ей очень хотелось внимательно изучить книжные полки, рассмотреть фотографии, пошарить в ящиках. Что за история связана

с нефритовыми китайскими собачками, служившими подпоркой для книг, или целым собранием резных слоников из тика? Где и когда он приобрел такие прекрасные экзотические вещи? Наверное, много путешествовал? Один? А может, все эти предметы попали сюда из сундуков «Бизли»? Только сейчас она поняла, что так почти ничего и не узнала за обедом о взрослой жизни Майкла. Тогда Мара сказала себе, что, когда два профессионала встречаются на деловом обеде, им не положено задавать друг другу вопросы о личной жизни. Может быть, она и так узнала чересчур много лишнего.

– Если после всего ты не очень устанешь, – вдруг услышала она, – то, надеюсь, присоединишься ко мне на коктейль-приеме и на аукционе?

Мара кивнула. Она невольно обрадовалась, что он все-таки не забыл свое первоначальное приглашение.

После кратких и совершенно бесполезных знакомств со служащими операционных и аукционных отделов Мара вновь присоединилась к Майклу, чтобы отправиться на встречу с Лилиан. Они вошли в зал заседаний, абсолютно не похожий на те, где раньше доводилось бывать Маре. Три стены, отделанные бесценными резными панелями из вишневого дерева, замыкались на шеренге стеклянных дверей плиточной террасы с видом на парк. Во главе невероятно длинного стола висел портрет хорошо одетого господина, должно быть, основателя аукционного дома «Бизли», кисти Джона

Сингера Сарджента, остальные стены были украшены картинами импрессионистов: Кассатт, Сёра и крошечный Ренуар.

Мара протянула руку, приветствуя Лилиан, даму в безукоризненно сшитом синем костюме, современном и в то же время классическом. Если не обращать внимания на строгость туго затянутого узла густых серебристых волос и резкий мазок темно-красной помады на губах, то Мара нашла Лилиан привлекательной, особенно ей понравились пронзительные, почти бирюзовые глаза. Новая знакомая выглядела моложе, чем ожидала Мара, учитывая ее стаж работы в «Бизли». Очень скоро Мара убедилась, что Майкл не зря называл Лилиан «ершистой». Сухое приветствие и резкое рукопожатие говорили о том, что Лилиан очень недовольна: мало того что ее оторвали от дела, так еще и копают под нее.

С Майклом, однако, Лилиан повела себя по-другому: запечатлела материнский поцелуй на его щеке, а потом позволила ему положить руку на спинку ее стула в таком фамильярном жесте, когда они уселись за стол. Теперь Мара поняла, почему он счел необходимым лично побывать именно на этой встрече, в отличие от всех прочих: его присутствие умиротворяло Лилиан.

Грозная дама начала с азов:

– Провенанс – это история владения оцениваемого предмета искусства. – Лилиан словно читала по учебнику, ее акцент представлял собой смесь британского варианта с новоанглийским, на котором говорили звезды Голливуда в так на-

зываемую золотую эру. — Результатом полного исследования провенанса является документ, где перечислены все известные владельцы предмета. Иногда к нему прилагается список научных трудов, содержащих упоминание о предмете, и выставок, где он экспонировался.

— Как создается провенанс? — вклинилась Мара, желая, как обычно, взять нить разговора в свои руки.

Лилиан, однако, не поддалась, несмотря на попытку Мары встать у руля. Она помолчала секунду, а потом, когда продолжила, уже не скрывала высокомерия:

— Не будем торопиться, мисс Койн. Вопрос очень сложный. В свое время я постараюсь ответить на него как можно лучше и как можно проще, чтобы вы наверняка поняли.

Мара подчинилась Лилиан и больше не прерывала ее, только слушала, откинувшись на спинку стула и сложив руки на коленях. Главный эксперт тем временем села еще прямее и вернулась к отрететированной лекции. Маре показалось, что теперь и она, а не только Хильда Баум попала в стан врага.

— У нас в «Бизли» хранится один из самых обширных в мире архивов, имеющих отношение к провенансам, не считая нескольких всемирно известных музеев и университетов. Мы предоставляем нашим клиентам гарантию, что произведения искусства, которые они у нас приобретают, имеют безукоризненную историю. Именно поэтому, помимо всего прочего, мы считаемся одним из главных аукционных до-

мов в стране. В моей команде исследователей нет никого ниже доктора искусствоведения. Задачей экспертов является отыскать любое упоминание о том или ином произведении искусства. Понимаю, вам может показаться это странным, но те, кто у нас работает, должны любить рыться во всевозможных исторических документах, даже очень запутанных, чтобы отыскать предыдущее местонахождение предмета искусства. – Она умолкла, ожидая реакции Мары, в подтверждение, что ее собеседница поняла всю сложность и кропотливость проводимой работы.

Мара тщательно взвесила свою следующую реплику, прежде чем ее произнести:

– Мне это совершенно не кажется странным, мисс Джойс. Мы, юристы, почти так же готовимся к выступлению в суде или прениям сторон, мы тоже тщательно изучаем множество документов, в нашем случае – решения суда и научные труды, в надежде отыскать единственный ключевой аргумент в нашу пользу. Однако работа с историческими документами, должна признать, мне кажется гораздо интереснее.

Лилиан немного смягчилась и стала перечислять категории документов, в которых можно отыскать историю владения предметами искусства: описи домашнего имущества, списки приданого, аукционные каталоги, закладные, музейные архивы, алфавитные указатели живописи государственных собраний, правительственные реестры, перечни частных коллекций. Время от времени Мара замечала Майкла

боковым зрением, хотя не отрываясь слушала урок Лилиан, отчасти благодаря усилию воли, отчасти из страха перед лектором.

Эксперт умолкла и дала понять, что готова ответить на вопросы Мары.

– Мисс Джойс, – начала Мара, – ошибусь ли я, если предположу, что у вас имеется некий компьютерный каталог, избавляющий от необходимости знакомиться с абсолютно каждым документом той или иной категории?

Лилиан кивнула:

– Ваше предположение верно. Каждая категория документов снабжена собственной поисковой системой, позволяющей находить документы по типу произведения, владельцу, стране, временному периоду, художнику, названию, сюжету, даже по размеру картины или цвету краски.

– Многие ли из этих документов, составляющих каталог, загружены в базу данных?

– Да, мы называем ее ПРОВИД, то есть провенансная индексная база данных. Она сейчас находится на стадии завершения.

Лилиан заговорила об историческом периоде, связанном с Баумами.

– Если мы имеем дело с произведением искусства нацистских времен, то процесс документирования провенанса во много раз усложняется, так как нацисты, по некоторым данным, конфисковали около двадцати процентов произведе-

ний западноевропейского искусства. Но я, вероятно, забежала вперед. Вы знаете, что я подразумеваю, говоря о произведениях искусства нацистских времен?

– Нет.

– Это те произведения, которые были приобретены после тысяча девятьсот тридцать второго года, созданы до тысяча девятьсот сорок шестого года и поменяли владельца за этот период, находясь в Европе. Но прежде чем мы углубимся в составление провенанса для предметов искусства нацистских времен, вам необходимо знать исторический контекст.

Голос Лилиан слегка дрожал, когда она рассказывала об одержимости Гитлера искусством, результатом которой стала охота нацистов за шедеврами. Гитлер, сам неудавшийся художник, считал, что он, как верховный лидер арийской супerrасы, должен вникать в мельчайшие детали, если речь идет об эстетике рейха. Он мечтал о немецкой империи, где будет главенствовать только арийская догма и где не будет места «дегенеративному» искусству – то есть импрессионизму или работам «неправильных» с точки зрения религии, политики или расы художников, таких как евреи или католики. Для Гитлера существовало только одно искусство – коричневое, отлакированное немецкое искусство или искусство, прославляющее «правильные» идеалы: домашний покой или героическое немецкое прошлое.

Лилиан продолжала, от волнения вздрагивая уже всем телом:

– Когда нацистская военная машина охватила всю Европу, их главное подразделение по конфискации произведений искусства, Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга, или ERR, никогда не отставало – мародерствовало, где бы ни появилось. Поначалу ERR с нацистским партийным лидером во главе, Альфредом Розенбергом, в честь которого он и был назван, ограничивался тем, что изымал произведения искусства у библиотек и музеев в побежденных городах. Но со временем полномочия штаба ERR и его местных пособников расширились, поэтому он начал откровенно грабить, особенно евреев. Интересно, однако, что ERR не мог просто войти в какой-то еврейский дом и сорвать со стен картины. Нет, нацисты подвели под грабеж целую юридическую базу, назвав его «конфискацией». Согласно правилам, немного отличавшимся в каждой стране, ERR и его местные филиалы могли взять еврейское добро, только если его владельцы добровольно отказывались от него, или «бросали» нажитое при бегстве, отправке в лагерь или гетто, или умирали. Итак, хотя ERR и создавал описи выдающихся коллекций у евреев, готовясь к конфискации, если он не мог заставить владельцев подписать письменный отказ, то вносил их в списки для отправки в гетто или в лагерь.

Лилиан поднялась и прошла к стеклянным дверям, откуда принялась рассматривать подстриженные растения на террасе и даже разглядела кусочек Центрального парка с начавшей опадать по-осеннему желтой листвой.

– После конфискации все вещи отправлялись в главное хранилище, зачастую в известный парижский музей «Же де Пом», когда была оккупирована Франция. Там произведения классифицировались как «соответствующие» или «дегенеративные». В последнем случае нацисты использовали такие вещи в качестве валюты. Они привлекали готовых к сотрудничеству арт-дилеров, те в свою очередь либо приобретали полотна по низкой цене, с тем чтобы перепродать их на свободном рынке, либо совершали обмен: одно «дегенеративное» полотно за несколько полотен, отвечавших нацистским требованиям. Если же часть произведений искусства находили «соответствующими», то нацистские лидеры следили, как стервятники, со всех сторон и решали, какие из награбленных трофеев они хотели бы повесить у себя в домах.

Она перевела взгляд на Мару.

– Нацисты со свойственным им педантизмом вели скрупулезный учет награбленного добра. Они верили в свое божественное право присваивать отнятую собственность, а потому без стыда записывали все трофеи. Это означает, что, работая с провенансами нацистских времен, мои эксперты рассчитывают на отрицательный результат, то есть что произведение искусства не будет упомянуто ни в одном из нацистских списков награбленного, таких как реестры ERR, или в рассекреченных донесениях американских разведчиков, действовавших в Европе сразу после окончания Второй ми-

ровой войны. В отчетах искусствоведов, работавших на подразделение поиска украденных культурных ценностей при Управлении стратегических служб США, содержатся стенограммы допросов, а также перечни пропавших произведений. Почему мои эксперты надеются не найти в этих документах искомое произведение? Потому что, если оно оказывается в нацистских списках или отчетах разведки, это означает, что нацисты незаконно завладели им, что, в свою очередь, ведет к тому, что «Бизли» никак не может гарантировать чистый провенанс.

Тут Майкл резко поднялся с места, чем перепугал Мару. – Лилиан, очень не хочется прерывать тебя, ты ведь еще даже не приступила к провенансу «Куколки», но мы с Марой должны спешить на аукцион. Нельзя ли назначить ей еще одну встречу? – Майкл одарил Лилиан обезоруживающей улыбкой.

Главный эксперт не смогла подавить ответную улыбку, хотя пыталась.

– Ох, Майкл, ты ведь знаешь, я никогда не смогу сказать тебе «нет».

Маре стало любопытно, каким образом Майклу удалось завязать такие теплые отношения с колючей бюрократкой Лилиан.

Повернувшись к Маре, Джойс вновь перешла на ледяной тон.

– Мисс Койн, позвоните моему секретарю и договоритесь

о времени. Всю следующую неделю я пробуду в Европе. – И, гордо держа голову, словно неся корону, Лилиан удалилась из зала.

Нью-Йорк, наши дни

Мимо проплыл поднос с хрустальными бокалами шампанского, его держал на ладони одетый в смокинг официант. Майкл подхватил два бокала и чуть ли не насильно сунул один Маре в руку, потом поднял свой бокал.

– Будем здоровы. За новую встречу.

Она чокнулась с ним.

– Будем здоровы.

Мара сделала большой глоток, чтобы успокоить нервы, хотя понимала: голова должна быть ясной. Майкл вновь отсалютовал ей бокалом.

– И за совместную работу.

Их бокалы снова зазвенели, слегка коснувшись друг друга.

Мара окинула взглядом блестящую толпу – здесь собралась одна элита. В воздухе витал аромат свежесрезанных алых роз, наполнивших бело-голубые фарфоровые вазы вдоль всей лестничной площадки. Зал сверкал хрустальными люстрами, а гости – драгоценностями. Казалось, потоку шампанского и закусок не будет конца, но тощие, как жерди, дамы не обращали никакого внимания на деликатесы. Мара подумала, как София, раскрыв рот, будет жадно ловить любую подробность вечера.

Майкл дотронулся до ее руки.

– Прости, что так вышло с Лилиан. На этот раз она разглазовольствовала дольше обычного. Никогда не слышал от нее такой длинной речи. Должно быть, ей захотелось произвести на тебя впечатление. Я рассчитывал отделаться от нее пораньше и присоединиться к веселью.

– Прошу тебя, Майкл, не извиняйся. Ты даже не представляешь, насколько это дело интереснее моей обычной рутины. До сих пор я занималась только мошенничеством с ценными бумагами.

Он хмыкнул.

– Прекрасно себе это представляю. Тем не менее не хотелось бы, чтобы обескураживающая манера Лилиан создала у тебя неправильное представление о процессе составления провенанса, когда речь идет о нацистских временах. На самом деле не все так страшно, как она толкует. В ее подчинении большая команда людей, перед которыми стоит всего одна задача: не выпустить из дверей «Бизли» экспонат с подмоченной репутацией.

– Не волнуйся. Именно такое впечатление у меня и создалось. – Мара сделала очередной глоток шампанского и тут же призналась: – А еще мне показалось, что я не очень ей понравилась.

– Вовсе нет. Просто она выпустила колючки, как я тебя предупреждал. Ничего, со временем она поубреет. А теперь давай-ка я тебе здесь все покажу.

Опираясь на руку Майкла, Мара в узком, облегающем платье маневрировала в толпе среди светских знаменитостей и промышленных магнатов, о которых читала в журналах, стояла за кулисами аукциона, наблюдая, как суежилась целая команда сотрудников, готовясь выставить на суд зрителей потрясающие картины. Майкл объяснил ей, что шикарная вечеринка – всего лишь слабая попытка привлечь коллекционеров и завоевать сердца предполагаемых клиентов. «Бизли» уделял гламуру такое же внимание, как и искусству, организовывал роскошные званые вечера, поездки в экзотические места с оплатой всех расходов, брал на работу детей известных коллекционеров, устраивал у себя официальные приемы, делал пожертвования на благотворительные проекты своих самых важных клиентов – и все это как часть боевых действий против дома «Мастерсон». В конце каждого сезона конкуренты подводили итоги продаж и определялись с коллекциями, чтобы выяснить, кто на этот раз выбился в лидеры, а затем использовали этот аргумент для привлечения новых арт-дилеров и коллекционеров.

Прозвучал гонг. Как по команде притухли люстры зала, одновременно зажглись светильники в коридоре, ведущем в аукционный театр. В театре, не менее изысканном, чем парадный зал, атмосфера была серьезной и приглушенной, здесь витал дух коммерции.

Мара и Майкл опустились на зарезервированные места. У Мары слегка кружилась голова от трех бокалов шам-

панского и почти осязаемого напряженного ожидания в зале. Свет убавили, и публика затихла перед показом первой картины. Сцену заняла «Веселая компания», редкая работа Питера де Хоха, второго по значимости художника Делфтской школы после признанного мастера Йоханнеса Вермера. Картина изображала таверну, залитую солнечным светом: служанка в красном платье наливает вино трем весельчакам, двое из которых, соперничая друг с другом, пытаются завоевать расположение девушки. Свет, исходивший от картины, ее уникальность покорили публику и отвлекли на секунду внимание от самоуверенного аукциониста с его услужливой командой помощников. Затем начались торги.

Поднимались руки, кивали головы, мелькали таблички. По мере того как росли цены, голос аукциониста становился все громче, темп ускорялся. Мара заглянула в каталог и с удивлением уставилась на Майкла, а тот рассмеялся. Цифры во много раз превышали указанную в каталоге предаукционную цену. Последовал удар молотка.

– Продано. За три миллиона двести пятьдесят тысяч долларов.

Сценки в тавернах, спокойные картины домашнего быта, темные исторические полотна и портреты, светлые просторные церковные интерьеры, Санредам, ван Рёйсдал – лоты сменялись один за другим. Они уходили за двойную, тройную цену, снова и снова. Каждая картина соревновалась с предыдущей за самое высокое предложение на этом аукци-

оне, который, еще не закончившись, уже стал легендой.

По окончании торгов Майкл и Мара прошли в зал приемов, где состоялась частная вечеринка. Это был парадный зал в миниатюре, здесь тоже лилось рекой шампанское, хотя и более изысканной марки. Вокруг звучали поздравления, шел обмен дружескими хлопками по спине и воздушными поцелуями. Царила всеобщая эйфория, ею заразились не только новые и прежние владельцы голландских шедевров, но и увеличившие свои капиталы сотрудники «Бизли» – начальство и старшее руководство. На секунду в голове у Мары зазвучал тихий голос, нараспев произнося слова, совсем как ее бабушка, он хотел предостеречь ее, говоря, что все здесь фальшиво, но она прогнала его.

Пробыв на вечере всего несколько минут, Майкл прошептал Маре на ухо:

– Ты не против, если мы уйдем? У меня насчет нас есть кое-какие планы.

Мара испытала шок. Для «Бизли» этот вечер был грандиозным событием, и, судя по предыдущим разговорам, Мара сделала вывод, что Майклу тоже очень важно побывать здесь и разделить успех со своими коллегами и их клиентами. Более того, у нее самой появился шанс познакомиться с другими игроками дома «Бизли». Но Майкл был ее клиент, к тому же он сумел заинтриговать ее, поэтому она согласилась.

Они начали пробираться сквозь толпу, но не успели достигнуть отполированных дверей, как на плечо Майкла опу-

стилась мужская рука с тщательным маникюром. Рука принадлежала человеку без возраста, очень ухоженному, с густой, мастерски подстриженной седой шевелюрой, в сшитом на заказ синем костюме в тонкую полоску. Мара почувствовала, как Майкл весь напрягся.

Незнакомец смотрел прямо на нее.

– Майкл, разве ты не собираешься представить меня своей хорошенькой подружке?

– Извини, Филипп. Разреши представить тебе Мару Койн. Она работает юристом в компании «Северин» и будет представлять нас в деле «Баум». Мара, это Филипп Робишо, сопредседатель «Бизли», успех сегодняшнего аукциона можно приписать ему.

Филипп не слишком убедительно запротестовал, пожимая руку Маре:

– Не нужно лести, Майкл. Успех вечера принадлежит «Бизли» как учреждению.

Следующие несколько минут Майкл и Филипп радовались вечерним продажам и смеялись над тем, что «Бизли» приобрел многие картины сегодняшнего аукциона, обойдя дом «Мастерсон», только потому, что один ушлый стажер проштудировал некрологи, нашел поместье с большой коллекцией картин, а затем уговорил всеми правдами и неправдами убитую горем слабохарактерную вдову разорвать давнишние семейные связи с конкурирующим аукционным домом. Мара сочла их злорадные замечания дурным тоном, но,

видимо, практика действовать исподтишка была здесь нормой.

Филипп прервал их самодовольный треп резкой сменой темы.

– Итак, мисс Койн, вы будете защищать нас в суде в деле «Баум». Как представитель солиднейшей юридической фирмы вы наверняка сумеете легко отбить шаткие притязания этой дамы, ничуть не сомневаюсь.

– Разумеется, именно таков мой план, мистер Робишо.

– Прошу вас, называйте меня Филипп.

Не успели они пуститься в дальнейшее обсуждение дела, как Майкл объявил, что им срочно нужно уйти. Филипп удивился:

– Так скоро, Майкл? Ты ведь знаешь, насколько важны подобные мероприятия. Здесь много полезных людей, знакомство с которыми поощрил бы твой дедушка Эдвард.

– Жаль тебя разочаровывать, но я обещал Маре, что мы выделим вечером какое-то время и обсудим предстоящий процесс. Надеюсь, ты понимаешь.

– Ну конечно. Что ж, нам будет тебя не хватать, как и вас, мисс Койн. Было приятно познакомиться. Надеюсь скоро снова увидеться. – Он опытным взглядом окинул ее ноги, грудь, лицо, посмотрел на безымянный палец.

Они попрощались, Майкл повел ее к выходу.

Оказавшись на улице, они миновали караван лимузинов и подошли к поджидавшему их такси. Ночной воздух был

свеж, но Маре почему-то стало душно. Неприятно давило разочарование, что Майкл так рано увел ее с праздника – как раз тогда, когда у нее появилась возможность произвести впечатление на одного из первых лиц «Бизли». Она обдумывала, как лучше всего поднять эту тему, когда машина отъехала от аукционного дома и Майкл сам заговорил об этом.

– Прости, что пришлось наспех знакомить тебя с Филиппом Робишо. Иначе он бы не отстал, а мне хотелось увести тебя поскорее.

– Прошу тебя, Майкл, не стоит извиняться. – Она была расстроена, но тот факт, что Майкл сам объяснил свое поведение, несколько ее успокоил.

Их глаза встретились.

– Как бы там ни было, я рассчитываю, что мы проведем остаток вечера вместе.

Мара не знала, что ответить, и сомневалась, следует ли воспринимать подобное заявление как двусмысленный намек. До сих пор он не пускался в откровенный флирт, поэтому теперь она лишь отвела взгляд. Но невольно поймала себя на том, что улыбается в темноте. Пришлось лишний раз напомнить себе, что он клиент, самый важный, от которого зависит успех ее карьеры.

Он прервал затянувшееся молчание, нарушаемое лишь рокотом машины.

– Есть одна вещь, которую, как мне кажется, ты с удовольствием согласишься посмотреть. Без свидетелей.

– Правда?

– Правда.

Через полтора квартала Майкл велел водителю притормозить у черного входа в особняк «Бизли». Они вышли из машины на темную узкую улочку, и Мара напряженно ждала, пока Майкл рылся в кармане. В конце концов он подвел ее к не приметной двери, сунул карточку в скрытую панель и набрал несколько цифр кода. Когда дверь открылась, он жестом пригласил Мару войти. Они прошли по длинному темному коридору, следуя курсом, обозначенным красными огоньками вдоль стен. Майкл все время что-то бормотал себе под нос, словно пытаясь вспомнить дорогу, и Мара еще сильнее встревожилась насчет «плана», который он задумал на вечер.

Потом он остановился перед дверью и повернулся к Маре, его глаза как-то жутковато поблескивали в свете красных огоньков.

– Вот и пришли, – объявил он, вставил другую карточку в замок и распахнул дверь.

В комнате стояла картина. Это была «Куколка». Одна, в полной темноте, едва освещенная сверху, словно единственным лучом какой-то звезды.

Центр композиции занимала женщина неземной красоты. Она призывно смотрела с картины своими бирюзовыми глазами на загадочно прекрасном лице и слегка улыбалась, ед-

ва заметно протягивая вперед руки. Золотистые волосы были уложены нимбом вокруг головы и украшены мелкими личинками. Очарованная ее лицом, Мара поначалу даже не заметила, во что одета женщина, в каком окружении находится.

Когда же она все-таки обратила на это внимание, то убедилась, что и наряд, и окружение достойны красоты лица. На женщине было роскошное, ослепительно-белое длинное платье, поверх которого спускалась складками ало-голубая шаль, закрывая легкую, завораживающую округлость живота. Прозрачные лучи солнечного света проникали из овального окна справа и освещали женщину с ног до головы. На полу лежала голова мертвого змея – единственная неприятная деталь картины, во всем остальном идеально безмятежной. В темном углу ее комнаты, на грубо сколоченном деревянном столе, пламя единственной свечи отражалось на лепестках алебастровой лилии и освещало силуэты креста, потира и глобуса.

И наконец, в левой руке женщины из прорванного кокона рождалась желтая бабочка – куколка. Маре захотелось разобраться во всей этой символической.

Мара вдруг почувствовала, к своему удивлению, что глаза у нее стали влажными от слез, неизвестно почему, когда она встретила со взглядом женщины и увидела, что загадочная улыбка на картине стала сочувственной. Маре тогда показалось, будто женщина приглашает ее, Мару, стоящую на

распутье, преобразиться, как та золотистая бабочка, появляющаяся из кокона на ладони. Мара постаралась незаметно смахнуть слезы (как-никак она профессионал), а затем повернулась к Майклу.

– Как я смогу отблагодарить тебя за это?

Улыбка Майкла рассеяла темноту.

– Я так и думал, что тебе захочется увидеть ее без посторонних.

Несколько часов спустя, выпив много, слишком много коктейлей «мохито», Мара очнулась за угловым столиком в крошечном испанском ресторане с интимной атмосферой. Она буквально утопала в парчовых подушках, а рука Майкла слегка касалась то ее колена, то руки, то волос, так что Мара поняла: в начале вечера прозвучали не пустые намеки. Мара с трудом вынырнула из томной дымки его обаяния и, спотыкаясь, направилась в дамскую комнату. Висевшее там зеркало показало ей все: спутанные волосы, беспорядок в одежде, неумение разграничить личное и профессиональное, пренебрежение карьерой.

Когда Мара вернулась за столик, Майкл потянулся к ней, чтобы поцеловать. Но она успела взять себя в руки еще там, когда смотрелась в зеркало, и поэтому отпрянула на диване. Но Майкл продолжал решительные действия, тогда Мара схватила свою сумочку и поднялась.

– П-прости, Майкл, – пробормотала она, – но я так не мо-

гу.

Амстердам, 1940 год

Он пересекает кабинет размеренной, неспешной походкой. Человек устоявшихся привычек, он намерен до конца исполнить ежевечерний ритуал, насладиться последним вечером с ней.

Он тянется к хрустальному бокалу и бутылке «Дюар-Милон» 1934 года. Выливает последние капли драгоценной жидкости в бокал, думая, что теперь ему ни за что не найти другой такой бутылки, даже на черном рынке. Зная это, он заранее приберег остатки вина на этот вечер.

С бокалом в руке он удовлетворенно вздыхает, оглядывая кабинет, свое убежище от викторианской суматохи остального дома. Жена и дочь неодобрительно относятся к убранству кабинета в новомодном стиле ар-деко, считая его слишком строгим, слишком современным, даже холодным. Но ему в этой комнате легко дышится, плавные линии действуют на него умиротворяюще и создают идеальное пространство для его сокровища.

Он подходит к камину, где потрескивает только что разведенный огонь. Подносит бокал к свету, любясь сквозь грани хрусталя темно-красным оттенком вина. Устраивается в черном кожаном кресле, специально подвинутом к огню, вытягивает ноги и скрещивает лодыжки. Он смотрит в бокал и

пьет вино мелкими глоточками, наслаждаясь его вкусом на языке и тем, как оно слегка обжигает горло. Готовит себя к тому, чтобы взглянуть на нее, расположенную над каминной полкой. Все эти движения входят в его собственный ритуал поклонения, почитания ее и того волшебства, что она дарит.

Он не успевает поднять на нее глаза, как слышит торопливые шаги. Кто-то направляется к двери кабинета, а потом замирает. После секундной паузы, наполненной нерешительностью и раскаянием, раздается стук в дверь.

– Да? – отзывается он, словно не знает, кто это и что ему нужно. И в самом деле, лучше бы ему не знать о непрошеном визитере.

– Мистер Баум, сэр, все остальные картины упакованы и погружены в грузовик. Не хватает только последней, и люди волнуются, что у них осталось очень мало времени.

– Я понял, Уиллем, я понял. Нельзя ли подождать всего несколько минут?

Эрих Баум понимает, почему они торопятся, хотя все это ему не по душе. У перевозчиков, которых он отказывается считать контрабандистами, есть узкие окошки на бельгийской и французской границах, там они потихоньку переправят его драгоценные картины, не настораживая при этом власти. Эрих не может позволить себе транспортировку в Ниццу с соблюдением целого ряда сложных таможенных законов. Хотя многие его соотечественники убеждены, что Нидерланды сохраняют нейтралитет и в этой войне, по примеру

прошлой, он не станет игнорировать письма дочери, Хильды, из муссолиниевской Италии, в которых она предупреждает его, что нашествие нацистов неизбежно. Он должен переправить свои картины во Францию, чтобы сохранить их или продать, в зависимости от конкретного полотна; он не допустит, чтобы его любимые вещи украшали стены кабинетов Геринга, Гимmlера или другого нацистского начальника, да и в любом случае ему понадобятся деньги.

– Уверен, это можно устроить, сэр.

– Спасибо, Уиллем.

Эрих закрывает глаза и делает глубокий вдох, притворяясь, что никакой помехи не было. Потеря остальных полотен навеивает печаль, но это не идет ни в какое сравнение с душевной болью и горем, которые ему доставляет разлука с ней. Вот он и рисует в воображении, что сегодня, как в любые другие вечера, следует своему обычному ритуалу, делает очередной глоток вина и в конце концов поднимает глаза.

При виде ее он перестает дышать, как в тот первый раз, много-много лет тому назад, на аукционе Стенвика. Своим бирюзовым взглядом и жестом протянутых рук она словно зывала к нему из груды выставленных на продажу портретов; лучи света, освещавшие ее внутри картины, казалось, пронзили аукционную толпу и обогрели его, донеся то, что она так хотела сказать. Пока остальные яростно торговались за каждую типичную для Миревелда картину, он, затаив дыхание, ждал, когда назовут заветный номер лота, чтобы за-

брать ее домой. «Куколка».

Вновь раздается стук в дверь. Эрих понимает, что передышки ему больше не дадут. Он не в силах вынести зрелище, когда ее варварски отделят от стены, служившей ей домом со времени аукциона Стенвика – более трех десятилетий. Поэтому он произносит слова прощания, открывает дверь и подает сигнал Уиллему, чтобы тот впустил людей.

Нью-Йорк, наши дни

Мара проснулась в холодном поту, когда серые лучи рассвета просочились сквозь жалюзи в ее гостиную. Дневной свет сначала коснулся полосатого дивана, на котором она лежала, затем переполз на крашеный кирпичный камин с остекленными книжными шкафчиками по обе стороны и черно-белыми фотографиями Мары с бабушкой на каминной полке. Под конец он достиг длинного темного коридора, ведущего в кухню.

Она так и не сняла костюма, в котором явилась вчера на аукцион, и теперь он был измят до неузнаваемости. В памяти всплывали какие-то обрывки вечера, прорываясь в ее сознание, хотя голова гудела от выпитого шампанского и «мохито». Потом воспоминания приняли четкую форму, и она ясно увидела, как сидит в испанском ресторанчике, чересчур близко придвинувшись к Майклу. «Господи, – подумала она, – он пытался меня поцеловать». При мысли о том, что могло произойти, к горлу подкатила тошнота.

Застонав, Мара переоделась в пижаму и забралась в постель. Она попыталась прибегнуть к такому спасительному средству, как сон, но дурнота не позволила. Тогда Мара встала под душ, надеясь смыть стыд и беспокойство. Она до боли натирала кожу, но морщилась больше от той мысли, что

допустила компрометирующую ситуацию с клиентом. Как можно было до такой степени пренебречь профессиональными обязанностями? Как можно было дать Майклу шанс поверить, что она готова принять его ухаживания? Ответ она, разумеется, знала: во всем виноваты его несомненная физическая привлекательность и ее прошлая симпатия к нему, смешанная с годами одиночества и слишком большим количеством спиртного в этот вечер.

Одевшись, Мара решила пойти на работу пешком. Обычно она отказывала себе в этой малости, так как поездка на такси занимала в два раза меньше времени, но сейчас ей было необходимо прояснить голову и составить план действий. Солнце светило по-особому ярко, поэтому Мара надела темные очки. По дороге на работу она зашла в кафе и выпила большую чашку кофе, щедро сдобренную молоком и сахаром. С каждым шагом в ее голове рождались все более тяжелые мысли. Что, если он попытается продолжить свой натиск, несмотря на то что получил отпор? Мара сама не знала, как долго сумеет сопротивляться. Но, что еще хуже, вдруг он рассердился за ее отказ, причем так сильно рассердился, что захочет отнять у нее дело? Она увидела, как шанс стать партнером улетучивается у нее на глазах, и все оттого, что не достигла взаимопонимания с новым клиентом, аукционным домом «Бизли».

Когда Мара проходила мимо обычно закрытого на замок парка Греймерси, единственного в городе частного парка,

она заметила, что ворота немного приоткрыты, и нырнула в щель. Осень давно начала превращать этот маленький, укрытый от всех глаз уголок в экстравагантный коллаж, где буйствовали оранжевый, медно-золотистый, ярко-красный и темно-коричневый цвета, а утреннее солнце заставило краски пылать. Мара перешла на прогулочный шаг. Под ногами хрустели опавшие листья, их острый запах пронизал весь воздух. Когда она присела на парковую кованую скамью, над головой закружил лист и опустился ей на плечо. Маре показалось, что она здесь совершенно одна. Она представила себе, что Майкл вовсе не ее клиент и теперь сидит рядом с ней. Фантазия вызвала у нее улыбку, но тут зазвонил мобильный телефон. Секретарша напоминала ей о заседании отдела, которое будет проводить Харлан Брукнер, и о последующих встречах. Она с трудом заставила себя покинуть парк и вернуться в городскую суету. Оставшийся путь до «Северин» она проделала в такси.

Поймав на себе взгляды прохожих, Мара поняла, что произвела впечатление, когда толкала массивные, неизменно начищенные до блеска вращающиеся двери небоскреба «Северин», хотя в это утро они показались ей тяжелее обычного. Пройдя сквозь турникет охраны, она поднялась на свой этаж в благословенно пустом скоростном лифте, который унес ее наверх с такой скоростью, что заложило уши, как будто он знал, что его пассажиры берут с клиентов почасовую оплату. Она направилась к своему офису по длинному коридору под

гудение компьютеров и факсов, грохот выдвижных ящиков, шум конференций: в каждой комнате умные люди выполняли трудную работу. Даже сейчас, после досадной оплошности с Майклом, гул кабинетов в «Северин» приободрил ее.

Прежде чем войти в свой офис, Мара, у которой в голове до сих пор стоял туман, подкрепилась второй большой чашкой кофе. Офис Мары был воплощением организованности: относительно пустой стол, справочники в стоячих папках, стеклянные шкафы для объемистых дел. Однако, как и в ее квартире, в ящиках стола хранились разрозненные вырезки, а панель под столешницей скрывала горы обуви.

Наспех просмотрев утреннюю почту, Мара обнаружила записку с сообщением от Майкла. Он успел позвонить с утра пораньше. Независимо от собственных чувств и линии поведения, к которой он решил прибегнуть, Мара понимала необходимость как можно скорее привести их отношения в надлежащий порядок. Но она опасалась дать слабину, как только услышит его тихий, с хрипотцой голос, ведь именно с него все и началось. София поможет ей вернуться на твердую дорогу, хотя Маре придется поначалу выдержать взрыв негодования соратницы.

Мара направилась по узкому коридору к кабинету Софии, едва кивая попадавшимися ей навстречу сотрудникам. Подруга приветствовала ее улыбкой.

– А я все гадаю, когда же ты наконец доберешься сюда, – воскликнула София. – Как прошла вечеринка?

Мара не знала, с чего начать, понимая, что нужно рассказать обо всем, чтобы получить необходимый совет. Она сделала глубокий вдох и выдала поминутный отчет о прошедшем вечере.

– Боже мой, Мара, о чем ты только думала? – было первой реакцией подруги.

София не сдерживалась, выражая возмущение поведением Мары, которое посчитала глупым, неэтичным и вообще убийственным для карьеры. Она во всех подробностях повторила историю позора Лизы Миневер, финансовые и моральные потери оказавшейся под судом женщины, отвергнутой бывшими друзьями и коллегами и не сумевшей при такой огласке найти себе другую работу.

Мара молча слушала, впрочем, София и не ждала ответа. Ей просто нужно было дать волю своему гневу на Мару. Она совершенно определенно считала, что оплошность Мары скажется не только на ней одной, но и подорвет планы Софии на их общее профессиональное будущее.

София потребовала разъяснить кое-что. Почему Мара пошла на поводу у Майкла, когда прежде так решительно отвергала все авансы других клиентов и даже партнеров фирмы?

– Почему ты не пресекла все с самого начала, сообщив ему о бойфренде? – уточнила София, имея в виду подробные истории о солидных дружках, которые Мара и София выдумали специально для подобных случаев. Не моргнув глазом,

они рассказывали о вечно занятых банкирах, чье чрезвычайно плотное расписание деловых поездок не давало им возможности сопровождать своих подруг на все мероприятия фирмы, а заодно сетовать по поводу их переработок.

– Потому что он нравится мне, Фи. Я знаю, это глупо, но на сей раз чувства возобладали над разумом.

Маре стало легче оттого, что она высказала правду вслух, хотя был риск вызвать у Софии новый приступ гнева. К ее удивлению, суровый взгляд соратницы смягчился.

– Прости, Мара. – Она сжала руку подруги, но тут же хлопнула приоткрывшуюся было дверцу сочувствия и вновь заговорила о карьерном росте. – Ты сама знаешь правила. Если он все же будет настойчив в своих преследованиях, тебе придется провести черту вежливо и в то же время твердо. Если ты этого не сделаешь и решишь продолжить с ним отношения, то сама знаешь, что случится, когда все всплывет наружу. Неужели ты хочешь свести на нет весь свой тяжкий труд?

– Нет. – По крайней мере, этого не хотела та Мара, которая, по примеру подруги, не забывала о своих амбициях и чувстве самосохранения. – Скорее всего, я делаю из мухи слона. Наверняка он уже сожалеет о вчерашнем вечере и звонит, чтобы спросить, нельзя ли нам обоим забыть о случившемся. – Мара надеялась, что именно так он себя поведет и все встанет на свои места. Но в то же время в ней жила надежда, что он испытывает другие чувства. – Я молюсь, чтобы

он не очень разозлился и не захотел отнять у меня дело.

– Я очень сильно в этом сомневаюсь. Как бы он выглядел при этом? Что бы стал объяснять руководству «Бизли», Харлану? – аргументировала София. – Мара, веди себя разумно.

Мара кивнула, расправила плечи и вернулась в свой офис. Еще даже не присев, она проверила номер на бумажке с сообщением и потянулась к телефону, преисполненная решимости, но все-таки с бьющимся сердцем.

– Майкла Рорка, пожалуйста, – четко произнесла она.

– Как вас представить?

– Мара Койн.

– Одну секунду. Он сейчас говорит по телефону, но просил меня сразу сообщить ему, если вы позвоните.

Мара чуть не бросила трубку, но усилием воли заставила себя ждать. Внутри, однако, у нее все трепетало, и музыка Моцарта, звучащая в трубке, совершенно не успокаивала.

– Мара, – произнес Майкл, и его голос тут же заставил ее вспомнить, как вчера они вдвоем сидели в ресторане. На какую-то долю секунды решимость оставила ее, так что Мара затаила дыхание, позволив ему начать первым. – Я так рад, что ты перезвонила. Все утро только о тебе и думаю.

– Вот как? – невольно вырвалось у нее, в ушах все еще звучала гневная тирада Софии, но она не смогла подавить инстинктивную реакцию, несмотря на твердое решение продолжать с ним отношения только в качестве юриста.

– Все утро. Мне жаль, если я показался тебе вчера черес-

чур настойчивым. Но я снова хочу увидеть тебя, и не только как клиент. Могу я на это рассчитывать?

У нее уже готово было сорваться с губ «да», но в последнюю секунду она сдержалась.

– Майкл, я тоже хочу, но вынуждена отказать.

– Что это значит – «отказать»? – В его голосе послышалось удивление, разочарование, гнев.

– Это против правил, Майкл, хотя мне искренне жаль. Но я буду работать с тобой над делом «Баум», работать день и ночь, чтобы одержать победу в суде. Как ты думаешь, мы вместе справимся?

Он молчал, как показалось Маре, целую вечность.

– Да, Мара, справимся. Просто я надеялся на что-то большее.

Нью-Йорк, наши дни

Следующие несколько недель Мара провела, целиком погружившись в работу. Другие дела: тяжбу по тендеру, процесс о мошенничестве с ценными бумагами, процесс по коллективному иску о нарушении прав попечительства – она отодвинула в сторону и целенаправленно занималась только процессом «„Баум“ против „Бизли“», словно хотела тем самым извиниться перед Майклом. Можно подумать, победа послужила бы достаточным возмещением того, в чем она ему отказала.

Но даже если не принимать в расчет Майкла, дело «Баум» требовало незаурядных усилий, и все из-за сложности виндикационного иска, старого гражданского закона, касающегося возвращения украденного имущества. Для Мары существовал единственный способ понять и распутать сложнейшую паутину этого закона – зарыться в юридической библиотеке, позабытой большинством ее коллег со времени внедрения компьютерных технологий, и внимательно проштудировать запылившиеся трактаты. Не обращая внимания на местный громкоговоритель, то и дело выкрикивавший ее имя, когда кто-нибудь из начальства пытался ее отыскать, она изучала затхлые тома, из которых узнала, что проще всего выиграть дело по такому иску – найти брешь в пра-

вовом титуле Хильды Баум. Хотя Мара надеялась, что с помощью Лилиан соберет достаточно материала, чтобы оспорить притязания истицы, ее не покидало беспокойство, сумеет ли она создать надежную защиту, основанную лишь на правовом титуле, учитывая недоступность старых военных архивов.

Однажды, глубокой ночью, после того как Мара выпила третью чашку кофе и усилием воли приказала себе не закрывать глаз, она наткнулась на многообещающую сноску в одном из трактатов. Там объяснялось, что по виндикационному иску ни вор, ни последующий добросовестный покупатель украденного произведения искусства не имеют юридического права на эту вещь, однако в некоторых случаях законные владельцы ограничены в праве вернуть свою собственность, когда в действие вступает закон о необоснованном промедлении. В этих случаях от владельцев требовалось, чтобы они не прекращали поиски вплоть до подачи иска, иначе суды могли применить закон о сроках давности. Мара воспрянула духом. Если бы ей удалось убедить судью руководствоваться подобными случаями и если бы ей удалось установить, что Хильда Баум слишком долго ждала, прежде чем пуститься на поиски «Куколки», или искала картину не слишком усердно, тем самым создав предвзятое мнение у ее клиента, то дело можно считать выигранным.

Теперь ей предстояло убедиться, что дела были крепкими, как то подразумевала сноска. Мара отыскала первый

из упомянутых процессов – «Декларк против Маккенны», дело 1958 года, рассмотренное Нью-Йоркским апелляционным судом. В этом деле отец истицы, немки по происхождению, владел внушительной художественной коллекцией, включавшей полотно Сезанна.

В 1925 году истица унаследовала картину Сезанна, которая и находилась в ее доме до 1942 года, когда она отослала картину на хранение в Австрию, в имение своей сестры. В 1945 году в доме сестры жил на постое американский солдат, а когда он уехал, картина Сезанна исчезла. Истица немедленно связалась с властями, а также страховыми компаниями, но безрезультатно. После этих первоначальных попыток истица больше не предпринимала дальнейших усилий, чтобы обнаружить местонахождение картины.

Тем временем Сезанн попал на американский рынок произведений искусства, и в 1948 году известный американский бизнесмен приобрел картину у хорошо зарекомендовавшей себя бостонской галереи на аукционе, получившем широкую общественную огласку. Бизнесмен выставлял полотно несколько раз на выставках в крупных музеях по всей стране, и каждая такая выставка выпускала глянцевого каталог с изображением картины.

Когда истица в конце концов подала иск, десять лет спустя после того, как картина была представлена публично, суд присудил полотно бизнесмену на том основании, что истица не выказала должного своевременного старания в своих по-

пытках обнаружить работу Сезанна. Истице следовало бы заниматься поисками Сезанна в последовавшее за войной десятилетие, в особенности используя такие явные, легко доступные источники, как каталоги выставок.

Хотя Мара признавала, что убедить судью руководствоваться делом «Декларк» будет трудно, к тому же нельзя было сбрасывать со счетов дополнительное бремя, что ляжет на плечи жертвы холокоста Хильды Баум, ее как юриста радовало дело «Декларк» и последовавшие за ним аналогичные дела. Она радовалась, пока не обнаружила дело «Скейф».

В 1964 году в Нью-Йорке из Художественного музея Скейфа похитили картину Сёра. Музей не предал огласке кражу и не счел нужным поставить власти в известность о случившемся. В 1969 году, абсолютно не сомневаясь в добросовестности сделки, картину приобрело семейство Лорел у одной престижной нью-йоркской галереи. В 1986-м, когда Лорелы выставили Сёра на публичный аукцион, музей Скейфа обнаружил картину и потребовал ее вернуть.

Следуя аргументам дела «Декларк», низший суд Нью-Йорка отверг в 1987 году притязания музея и пообещал Лорелам, что дело будет закрыто. Суд руководствовался прецедентом «Декларк» и пришел к выводу, что музей Скейфа не проявил должного рвения в попытках найти украденную картину. Но несколько месяцев спустя апелляционный суд отменил это решение, применив редкое правило «запроса и отказа». Апелляционный суд пришел к выводу, что срок для

действия по возвращению украденной собственности начались только тогда, когда бывший владелец обнаружил украденную собственность, потребовал ее возвращения и получил отказ; не важно, проявлял ли бывший владелец должное усердие в поисках собственности, важно только, проявил ли он это усердие в своем требовании вернуть собственность сразу после ее обнаружения. Так как в данном деле музей Скейфа лишь недавно потребовал возвращения Сёра, а Лорелы сразу ему отказали, суд счел иск музея своевременным.

Лорелы не стали подавать апелляцию в Верховный суд Нью-Йорка, а это означало, что судье придется выбирать между двумя прецедентами – «Декларк» или «Скейф».

Соединяя воедино свои аргументы, чтобы склонить судью в пользу дела «Декларк», Мара продолжала просматривать все похожие дела, какие только могла найти. Она надеялась укрепить свою позицию как можно большим числом юридических прецедентов против любых неожиданных пробов. Формально все изученные ею дела подтверждали лишь раз, что она действительно владеет весомой аргументацией, которая не рухнет под натиском оппонента или судебским внимательным взглядом, так что ее радость и уверенность росли с каждым часом. Но случалось и по-другому: в основе всех юридических процессов лежали человеческие истории, трагедии, породившие обращения в суд. Мара узнала о жертве Альфонса Шварца, который вынес многочисленные допросы нацистов, сделавших из него калеку, и все ра-

ди того, чтобы сохранить в тайне местонахождение семейной обширной коллекции фламандского искусства, но в конце концов узнал, что картины давно разграблены нацистами, а его братья убиты. Она прочитала о банкротстве Евы Блумер, истратившей семейное состояние до последней марки в попытке вернуть хотя бы один из бесценных этюдов Тьеполо отцовской коллекции. Ни одного этюда она так и не получила, несмотря на тот факт, что они находились в экспозиции маленького музея в Ницце. Мара прочитала о мучительном странствии Отто Штерна, который всю войну провел в концентрационных лагерях и лагерях для беженцев, а позже узнал, что эстампы эпохи Возрождения, которые он с таким трудом прятал в винном подвале у одного французского друга, разлетелись по всему миру благодаря нацистам. Несколько десятков лет он безуспешно пытался обнаружить местонахождение хотя бы одного эстампа, но в конце концов умер от сердечного приступа.

Эти личные трагедии выбивали Мару из колеи и возвращали к той минуте, когда она впервые ознакомилась с жалобой Хильды Баум и прониклась сочувствием к женщине. Раньше она испытывала душевный подъем, оттого что ей доверили это дело. Изо дня в день она засиживалась допоздна, и единственное, что удерживало ее от сострадания к истцам, – сложность построения защиты. Стараясь подражать Софии, Мара вновь и вновь сопоставляла аргументы и контраргументы. Ее увлеченность только способствовала

большей сосредоточенности и стремлению к победе. Мара держала в секрете свою стратегию от Майкла во время деловых встреч, телефонных переговоров и ежедневного общения по электронной почте. Она хотела, чтобы он не нашел ни одного шва в ее аргументации, когда в конце концов она раскроет свои карты, и уже буквально ощущала вкус победы.

Однажды, когда Мара целиком погрузилась в дело «Декларк», в запертую дверь ее офиса начала рваться София.

– Выходи, Мара, я знаю, ты совершаешь очередной крестовый поход на дело «Баум», но должна же ты обедать.

Мара подняла голову и призадумалась, пытаясь вспомнить, успела она уже пообедать или нет, предыдущие несколько дней она перекусывала наспех за письменным столом, не отрываясь от дел. В животе у нее заурчало, поэтому она неохотно оставила работу и присоединилась к Софии. Они проследовали на еженедельный обед юристов, пышное мероприятие, проводимое фирмой с двойной целью: произвести впечатление на клиентов и предоставить возможность своим работникам пообщаться друг с другом.

Пока подружки наполняли тарелки, мимо них сновали коллеги, все вежливо здоровались, но никто не пригласил двух женщин к своему столу, никто не завел с ними беседы. Мара и София поддерживали со своими ровесниками якобы сердечные, но на самом деле прохладные отношения. Собратьям по ремеслу очень не нравилось, что эти две смазливые подружки на особом счету в фирме: им доверяли непо-

средственное общение с клиентурой, выступления в суде, появление на званных обедах с целью привлечь новых деловых партнеров и вообще их приглашали на любое светское мероприятие, требовавшее утонченности, которой зачастую не хватало остальным. Болтливые языки не ленились злословить, отчего вдруг этим подругам такая честь, хотя все домыслы были далеки от правды. Поэтому, не имея другого выбора, Мара и София уселись за стол корпоративных партнеров, хотя понимали, что тем самым подольют масла в огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.